

ИЗЪ ПЕРІОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ.

III.

Духовное обновленіе народа и наше духовенство.—По поводу записки „о необходимости перемѣнъ въ русскомъ церковномъ управленіи“.—Объ учрежденіи патриаршества и избраніи патриарха въ Россіи.

Духовное обновленіе народа и наше духовенство.

Лишь при спокойномъ и бодромъ состояніи духа всего населенія страны возможно достигнуть успѣшнаго осуществленія предначертаній нашихъ, направленныхъ къ обновленію духовной жизни народа, упроченію его благосостоянія и усовершенствованію государственнаго порядка (изъ Высочайшаго манифеста 18 февр.).

Пятьдесятъ лѣтъ назадъ бичъ Божій ударилъ на насъ съ моря, чтобы растаяли наши сердца и страна свергла оковы тѣлеснаго рабства. Отъ моря пришелъ гнѣвъ Божій и нынѣ затѣмъ, чтобы разсыпался пережитокъ тѣхъ дней, — порабощенность духа (изъ слова Преосв. Антонина передъ панихидой по портъ-артурцамъ 26 дек. 1904 г.).

Годъ тому назадъ наиболѣе проникательные обозрѣватели внутренней жизни Россіи, предвидя, сколько зла принесетъ намъ война съ Японіей, утѣшали себя надеждою на обновленіе русской жизни, по пословицѣ: „война законы дѣлаетъ“. Вѣроятно сами они не подозрѣвали, до какой степени и какъ скоро оправдается ихъ надежда. Война, какъ и всегда, оказалась превосходной пробой бывшаго дотолѣ въ покоѣ государственнаго механизма. Она выяснила множество существенныхъ недочетовъ въ нашемъ общественномъ строѣ, прежде ускользавшихъ отъ вниманія болѣе довѣрчивыхъ, чѣмъ проникательныхъ людей. Спокойствіе общества и преж-

няя его безопасность, исходившая изъ абсолютнаго довѣрія къ правящимъ сферамъ, исчезли. Съ другой стороны, общество увидало, что въ дѣлѣ огражденія интересовъ родины значительная тяжесть обязанностей падаетъ на него. Оно стало цѣнить себя болѣе и въ награду за обязанности пожелало себѣ правъ. Крестьяне, старообрядцы, сектанты, иногородцы идутъ на защиту родины и жертвуютъ собою не менѣе, чѣмъ прочіе. Это давало имъ основаніе желать себѣ большихъ правъ, чѣмъ они имѣли въ дѣйствительности.

Получивъ здѣсь первый толчокъ, общественное самосознаніе начинаетъ расти и приходитъ къ мысли, что не владѣеть тѣми правами, которыя должны быть признаны за человѣкомъ, какъ свободною личностью. Какъ свободное существо, человѣкъ имѣетъ право не только думать, но говорить, писать, дѣлать, двигаться, принскивать себѣ занятія и т. д. совершенно свободно. Единственнымъ ограниченіемъ его свободы служить обязанность не наносить вреда или зла обществу. Но такъ какъ понятія о вредѣ и пользѣ крайне разнообразны и растяжимы, то въ оцѣнкѣ дозволеннаго и недозволеннаго должна быть единая объективная норма, каковою и является законъ, обязательный для всего населенія. Однако самъ по себѣ законъ, давая лишь общія нормы, не гарантируетъ объективности его примѣненія. Такой гарантіи не можетъ дать оцѣнка, исходящая отъ администраціи. Не говоря уже о томъ, что разумъ и совѣсть одного лица не могутъ быть признаны достаточными для такой оцѣнки, сама по себѣ административная оцѣнка скрываетъ въ себѣ возможность того, что интересы населенія будутъ принесены въ жертву интересамъ административнымъ. Возможно полную гарантію объективной оцѣнки дѣйствій человѣка въ ихъ отношеніи къ закону можетъ дать гласный, независимый судъ. Это было основаніемъ, почему судъ административный въ 60-хъ годахъ былъ замѣненъ судомъ присяжныхъ.

Что административное примѣненіе закона, всегда связанное съ административнымъ усмотрѣніемъ, есть не только примѣненіе закона, но и своего рода законодательное творчество, это подтверждается такимъ авторитетнымъ документомъ, который едва ли кто будетъ оспаривать. Разумѣемъ журналы комитета министровъ. Никто не скажетъ, чтобы

комитетъ министровъ страдалъ предубѣжденіемъ противъ администраціи. А между тѣмъ въ его журналахъ мы находимъ такія заявленія. При обсужденіи мѣръ къ осуществленію предначертаній, выраженныхъ въ п. 5 Высочайшаго указа 12 дек., сенаторъ Дурново установилъ между прочимъ слѣдующій фактъ. Правила объ усиленной охранѣ допускаютъ предварительное задержаніе и производство обыска въ случаяхъ, имѣющихъ связь съ преступными дѣяніями политическаго свойства. Между тѣмъ административныя и полицейскія власти, несмотря на циркулярное внушеніе министерства внутреннихъ дѣлъ держаться точнаго смысла закона, пользуются означенными полномочіями при условіяхъ, мало соотвѣтствующихъ указаніямъ закона.

Такой образъ дѣйствій администраціи, при которомъ ни одинъ изъ мѣстныхъ обывателей не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что онъ обезпеченъ отъ производства у него обыска или заключенія его подъ арестъ безъ видимой подачи съ его стороны какого-либо къ тому повода, не можетъ не поселять смуты въ умахъ, а обыски такого рода, при которыхъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ не удается обнаружить сколько-нибудь существенныхъ, съ точки зрѣнія полицейскаго розыска, данныхъ, искусственно поддерживаютъ въ обществѣ глухое раздраженіе противъ распоряженій правительственныхъ властей, столь вредно отзывающееся на общемъ настроеніи.

Если сама администрація признаетъ неудовлетворительность административнаго усмотрѣнія, то тѣмъ болѣе понятно и естественно желаніе общества гарантировать себя отъ административнаго произвола. Единственной гарантіей, способной успокоить общество и вполне отвѣчающей гуманнѣйшимъ идеямъ, это—гласный, независимый судъ.

Всѣмъ извѣстно, до какихъ геркулесовыхъ столбовъ выросли цензурныя стѣсненія у насъ въ Россіи. И эти стѣсненія въ большей своей части были не требованіями закона, а дѣломъ все того же административнаго усмотрѣнія. Особое совѣщаніе по дѣламъ печати подъ предсѣдательствомъ Кобеко высказалось за уничтоженіе предварительной цензуры и подчиненіе печати гласному, независимому суду. Присутствовавшіе въ этомъ совѣщаніи представители духовнаго вѣдомства подали свой голосъ также за свободу

печати, т. е. за то, чтобы, какъ выразился преосв. Антонинъ, поставить печать на почву закона, а не личнаго усмотрѣнія власти (Русск. Вѣд. 4 февр.).

Такимъ образомъ, желать гарантій личной неприкосновенности, свободы печати, какъ и другихъ свободъ, не значитъ желать сбросить съ человѣческой воли какія бы то ни было нормы, „ниспровергнуть законы Божескіе и человѣческіе“, а напротивъ стремиться къ возможно полному осуществленію закона, къ охраненію его отъ случайныхъ искаженій и извращеній, вносимыхъ личнымъ усмотрѣніемъ, къ возможно объективной, безпристрастной, правдивой оцѣнкѣ человѣческихъ дѣйствій. Отвѣтомъ на такого рода желанія общества и былъ Высочайшій указъ 12 дек. Главный его смыслъ—это придать закону силу, какую онъ долженъ имѣть, отнявъ ее у административнаго усмотрѣнія, выразившагося въ „излишнихъ стѣсненіяхъ, прямо въ законѣ не установленныхъ“, другими словами—вернуть обществу законную свободу дѣйствій, которая отнималась административнымъ усмотрѣніемъ.

Съ развитіемъ самосознанія и съ потерей прежней безпечности по отношенію къ вопросамъ общественной и государственной жизни, общество почувствовало желаніе, чтобы ему предоставили не только личныя, но и гражданскія права, т. е. дали возможность посвятить свои силы содѣйствію власти въ дѣлѣ устройства внутренней и внѣшней жизни Россіи. Уже комитетъ министровъ призналъ, что завѣдываніе мѣстнымъ благоустройствомъ, вслѣдствіе крайней сложности и своеобразности мѣстныхъ условій, силами однихъ центральныхъ учреждений, не вполне освѣдомленныхъ о всѣхъ подробностяхъ мѣстной жизни, можетъ имѣть своимъ слѣдствіемъ недостаточную согласованность правительственныхъ мѣропріятій съ дѣйствительною жизнью, каковое разногласіе, еще по заявленію Государственнаго Совѣта, вредное во всякомъ дѣлѣ, особенно нетерпимо въ дѣлахъ, рѣшеніе коихъ облекается въ форму закона, такъ какъ оно подрываетъ авторитетъ закона и поселяетъ недоразумѣнія между представителями государственной власти и мѣстнымъ населеніемъ. Предсѣдатель комитета м. высказалъ, что у насъ въ однихъ случаяхъ результаты законодательныхъ работъ, предварительно не соображенныхъ всесторонне съ насущ-

ными общественными нуждами, порождали немаловажныя затрудненія для правительства, въ другихъ случаяхъ ходъ законодательства, призваннаго регулировать важнѣйшія отправления общественнаго организма, нерѣдко оказывался слишкомъ медленнымъ для своевременнаго удовлетворенія настойчиво заявляемыхъ поступательнымъ движеніемъ народной жизни запросовъ.

На почвѣ указанныхъ и подобныхъ явленій родилось совершенно естественное желаніе разныхъ слоевъ населенія, минуя длинную лѣстницу администраціи, имѣть болѣе или менѣе непосредственный доступъ къ источнику законодательной власти, т. е. къ Государю, и оказывать содѣйствіе Ему при устроеніи общественной жизни, вліяя такимъ образомъ на самое законодательство въ Россіи. Это желаніе общества направлено не противъ монархической власти, а противъ того бюрократическаго средостѣнія, которое отдѣляло народъ отъ его Государя, которое разрушало единеніе царя и народа, безусловно необходимое для блага отечества. Всѣ согласны въ томъ, что залогъ процвѣтанія Россіи въ единеніи царя и народа: но въ сущности до сихъ поръ это было простой фразой.

Слова о *единеніи* Царя и народа стали у насъ почти общимъ мѣстомъ,—но въ чемъ же такое единеніе выражается въ серіозномъ, достойномъ этой великой идеи, смыслѣ? Болѣе чѣмъ когда-нибудь Царь отгороженъ отъ народа „докладами“ чиновника, и болѣе чѣмъ когда-нибудь сиротствующій народъ чувствуетъ всю горькую правду того, что „до Бога высоко, а до Царя далеко“. Приблизить народъ къ Престолу, прорѣзать, если не вовсе упразднить, бюрократическій частоколь такъ, чтобы единеніе Царя съ народомъ почувствовалось, не какъ пышная, но лишенная конкретнаго содержанія фраза, а какъ реальный, дѣйствительный факторъ нашей исторіи, это—великая цѣль, это задача, поистинѣ, святая... (Слово 23 янв.).

Вполнѣ естественное, законное, вытекающее изъ лучшихъ нравственныхъ побужденій стремленіе народа къ единенію съ своимъ Царемъ разбивалось о непобѣдимую преграду окружавшаго Царя чиновничества или бюрократіи. Не призывая къ совмѣстной работѣ съ собою населеніе, предпочитая повсюду дѣйствовать и приказывать, не спрашивая, и потому не будучи въ состояніи дать удовлетвореніе насущ-

нымъ потребностямъ обширнаго отечества, бюрократія кромѣ того создала систему, крайне вредно отражающуюся не только на экономическомъ, но—что еще важнѣе—на умственномъ и нравственномъ развитіи народа. Это—система, которая постепенно дѣлаетъ cadaго члена бюрократіи деспотомъ по отношеніи къ низшимъ и рабомъ по отношеніи къ высшимъ, система, девизъ которой: „ваше дѣло не разсуждать, а повиноваться“, давитъ живую мысль, преслѣдуетъ личную инициативу, убиваетъ энергію, заглушаетъ призваніе къ любимому предмету, превращая челоѵка въ автомата, лишенаго мысли и чувства,—система, гдѣ выше внушеній справедливости и долга, выше требованій закона ставится приказаніе начальства, гдѣ служатъ не столько дѣлу, сколько лицамъ, не столько народу, сколько власти, гдѣ прислушиваются не къ собственному голосу совѣсти, а къ голосу начальства ¹⁾, система, проникнутая неуваженіемъ къ челоѵческому достоинству и священнымъ правамъ личности, недоѵрїемъ къ обществу, отсутствіемъ живой вѣры въ силу добра и тайною мыслью, что не власть существуетъ для народа, а народъ для власти, это—разсадникъ посредственностей, апатїи и даже хандры, происходящей оттого, что богатя силы народа не находятъ для себя должнаго примѣненія. Правда, всѣ эти явленія обыкновенно психологически связаны съ самымъ фактомъ власти, однако общественное мнѣніе, гласность, контроль, подсудность власти независимому суду и народное представительство могутъ свести ихъ къ minimum'у. При господствѣ же бюрократіи они ничѣмъ не сдерживаются. Вотъ противъ этого бюрократическаго строя и направлено стремленіе общества къ приобрѣнію гражданскихъ правъ. Даже кв. Мещерскій, не боящійся сказать правду, когда онъ ее прозрѣваетъ, что случается, къ сожалѣнію, не часто, признаетъ лучший способъ утвердить и укрѣпить власть Царя

приобщеніемъ людей, которыхъ совѣтъ будетъ исходить отъ русской земли, отъ русской жизни, отъ русской совѣсти, тогда

---

¹⁾ Высшее начальство, какъ говорилъ Ростовцевъ въ первый періодъ своей дѣятельности, есть сама „верховная совѣть“, долженствующая упразднить указанія „личной, подвижной челоѵческой совѣсти“ (*Гр.-Джаншиевъ*, Эпоха великихъ реформъ, 1896 стр. 10).

какъ доселѣ голосъ совѣта исходить подчасъ изъ незнанія Россіи, изъ презиранія народа, изъ теоріи сухихъ и бездушныхъ мозговъ, изъ личныхъ интересовъ, изъ побужденій трусости и холопства, изъ пѣлаго арсенала бюрократическихъ миражей и обмановъ (Слово 27 февр.)

Отвѣтомъ на означенное желаніе населенія явились Высочайшій рескриптъ министру в. д. и Высочайшій указъ сенату. Указъ предоставляетъ всѣмъ вѣрноподаннымъ возможность быть непосредственно услышанными Государемъ и право представлять на Высочайшее имя свои предположенія по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго строя и народнаго благосостоянія. Рескриптъ выражаетъ намѣреніе Государя отнынѣ привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участию въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній, чтобы совмѣстной работою правительства и зрѣлыхъ силъ общественныхъ достигнуть осуществленія Высочайшихъ предначертаній. Собственно говоря, Высочайшій указъ 12 дек. и рескриптъ съ указомъ 18 февр. органически связаны между собой. Администрація по существу своему не можетъ гарантировать населенію той свободы отъ административнаго усмотрѣнія, какая обѣщана указомъ 12 дек. Для этого необходима независимая, новая сила, каковою и является народное представительство. Оказывая вліяніе на ходъ законодательства и являясь представителемъ интересовъ населенія, оно гарантируетъ, съ одной стороны, болѣе легкій способъ удовлетворенія насущныхъ нуждъ населенія въ законодательствѣ и, съ другой стороны, болѣе объективное примѣненіе закона къ жизни и дѣятельности каждаго подданнаго.

Изъ сказаннаго легко видѣть, что современное общественное движеніе въ Россіи, стремясь къ возстановленію личныхъ и гражданскихъ правъ каждаго члена общества, со стороны своего нравственнаго содержанія, имѣетъ на своемъ знамени слова — *справедливость* и *свобода*: справедливость — какъ одинаковая для всѣхъ (и для слабыхъ, и для сильныхъ) обязательность закона и какъ строгая, объективная отвѣтственность всѣхъ безъ различія передъ судомъ общественнаго мнѣнія и судебныхъ учрежденій; сво-

бода—какъ необходимое условіе нравственнаго и общественнаго прогресса, требуемая въ мѣрѣ съ нравственной точки зрѣнія совершенно законной, поскольку въ полной силѣ, даже, можетъ быть, въ большей, чѣмъ теперь, остается наказуемость преступленій, преступленій дѣйствительныхъ, а не воображаемыхъ. Обѣ эти идеи вытекаютъ изъ понятій о высокомъ достоинствѣ человѣческой личности и о призваніи ея къ всестороннему и безграничному совершенствованію.

Однако сознаніе человѣческихъ правъ, не только гражданскихъ (политическихъ), но и личныхъ, параллельно съ идеями справедливости и свободы, развивается въ обществѣ постепенно. Въ эпохи существованія рабства, рабство казалось нормальнымъ явленіемъ одинаково рабамъ и господамъ: было придумано даже рациональное обоснованіе для него. Въ періодъ крѣпостнаго права ни мужикъ, ни баринъ не замѣчали поправки священныхъ человѣческихъ правъ, и крѣпостничество находило себѣ даже моральное оправданіе. Пресв. Антоній, ставя въ примѣръ представителямъ современнаго движенія освободительную реформу, какъ добровольный подвигъ, говоритъ, что тогда царь и лучшіе люди просвѣщеннаго общества, руководимые единственно Божіею правдою и милосердіемъ, напомнили помѣщикамъ, какъ незаконно держать въ рабствѣ православный народъ, своихъ братьевъ о Христѣ. Выраженіемъ правды Божіей и добровольнаго послушанія и было освобожденіе крестьянъ (Моск. Вѣд. 2 марта). Однако правда Божія не всѣмъ была ясна тогда. Славянофилы считали крѣпостное право едва ли не основой самобытнаго государственнаго строя ¹⁾. Большинство дворянъ было прямо или косвенно противъ освобожденія крестьянъ. Оно желало безземельнаго ихъ освобожденія ²⁾. Оно обвиняло передовое, либеральное меньшинство, дѣломъ котораго совместно съ правительствомъ было освобожденіе, въ революціонныхъ и анархическихъ стремленіяхъ ³⁾. Духовенство, особенно высшее, въ большинствѣ было противъ освобожденія. Даже м. Филаретъ не сочувствовалъ ему. Опустивъ изъ проекта манифеста слово „радостный“ (день), митрополитъ

¹⁾ Гр. Джаншиевъ, Эпоха великихъ реформъ. 1896, стр. LXIII.

²⁾ Ibid. стр. 99.

³⁾ Ibid. стр. 103—105.

замѣтилъ въ объясненіе этого, что этому „преобразованію радуются люди теоретическаго прогресса, но многіе благонамѣренные люди ожидаютъ онаго съ недоумѣніемъ“. По мнѣнію его, въ „правѣ постояннаго пользованія землею помѣщиковъ найдеть для себя опору упрямство крестьянъ“; помѣщики „найдутъ себя стѣсненными въ правѣ собственности“, что можетъ „подѣйствовать неблагопріятно на ихъ усердіе правительству“¹⁾.

И теперь недостатокъ личныхъ и гражданскихъ нравъ чувствуется далеко не всѣми. Многіе, можетъ быть большинство, не замѣчаютъ его, какъ не замѣчали въ свое время ненормальности рабства и крѣпостничества. Едва ли не первое, хотя и не почетное, мѣсто въ этомъ случаѣ занимаетъ наше духовенство, если судить потому, какъ оно высказывается. За рѣдкими исключеніями оно относится къ прогрессивному движенію нашего общества не только не сочувственно, но и прямо отрицательно.

Почти всѣ епархіальные органы переполнены проповѣдями, рѣчами и статьями, направленными противъ стремленія передовыхъ слоевъ общества къ обновленію духовной жизни народа, при чемъ это стремленіе понято, какъ возмущеніе противъ правительства, противъ какой бы то ни было законности. Одинъ епископъ въ рѣчи, произнесенной въ кафедральномъ соборѣ, сказавъ о „сынахъ беззаконія“, „извергахъ земли русской“, о „сынахъ проклятія“, стремящихся къ ниспроверженію всего того, что носить на челѣ своемъ печать образа и подобія Божія, не останавливающихся передъ убійствомъ священныхъ особъ,—продолжаетъ:

къ наибольшему же позору нашему наше обюродѣвшее интеллигентное общество бѣжитъ за этими крамольниками, видя въ нихъ спасителей отечества. Въ руку имъ оно устраиваетъ стачки среди рабочихъ, составляя и изъ себя стачки профессоровъ, адвокатовъ, врачей, земцевъ, учащихся и учащихся.

Одинъ ректоръ семинаріи въ произнесенномъ въ храмѣ словѣ выражаетъ мысль, что наша либеральничая по западнымъ образцамъ интеллигенція повинна въ кровавыхъ дѣяніяхъ крамолы.

¹⁾ Ibid. стр. 39—40.

Разъ не только учащаяся, незрѣлая молодежь забастовываетъ, но и профессора, и адвокаты, и земскіе дѣятели даже до предводителей дворянства включительно, создавая этимъ безпорядки въ государственной жизни; разъ раздаются на интеллигентныхъ банкетахъ здравицы за убійцъ слугъ царевыхъ; то какъ могутъ наши либералы-интеллигенты говорить, что они неповинны въ крови праведныхъ сихъ... Смѣло можно сказать и нашимъ книжникамъ-либераламъ: вы отвѣтите передъ судомъ исторіи за всякую кровь, нынѣ проливаемую, отъ крови послѣдняго рядового, умирающаго на поляхъ Манчжуріи... до крови Великаго Князя...

По мнѣнію одного священника, передовики свѣтской печати—не пѣснь жаворонка, а крикъ ворона, издавѣка чующаго кровь... Весны ждуть и желаютъ лишь враги государственнаго порядка, ловцы человѣковъ въ возмущенной водѣ (см. Екатериносл. Еп. Вѣд. № 5). Могилевскія Еп. Вѣдомости считаютъ желающихъ свободы слова, печати и вѣры „провозвѣстниками мнимой свободы или вѣрнѣе своеволія, которые готовы ниспровергнуть законы Божескіе и человѣческіе (№ 4). Орловскія Еп. Вѣдомости думаютъ, что въ настоящее время есть очевидные признаки того, что вся эта, небывалая еще по напряженности, смута уже приходитъ къ концу. Вдохновители этой смуты почти выболтались. Священникъ Г. Петровъ ¹⁾ съ кучкой мятущихся ученыхъ, писателей, адвокатовъ, земскихъ и думскихъ дѣятелей, студентовъ и рабочихъ, это — больные, требующіе скорѣйшаго лѣченія (?), больные глубокою болѣзью. Невозможно, чтобы земскій дѣятель, не будучи нравственно искалѣченнымъ, осмѣлился составлять резолюцію о народномъ представительствѣ. Голосъ церкви по отношенію ко всѣмъ этимъ людямъ одинъ, именно: *о еже... потребити отъ насъ вся неистовыя крамолы супостатовъ* (№ 6). Въ рѣчахъ нѣкоторыхъ пастырей общественное движеніе называется „общественнымъ

¹⁾ Этотъ уважаемый священникъ, свискавшій себѣ вполне заслуженную извѣстность въ обществѣ своими назидательными и церковно-публицистическими трудами, свидѣтельствующими сколько о его талантѣ, столько и о глубокомъ пониманіи имъ духа христіанской морали, почему-то не очень нравится нашимъ отцамъ духовнымъ, какъ можно судить по нѣкоторымъ отзывамъ о немъ въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ.

помраченіемъ“, „нравственной эпидеміей“, представители его считаются „мятежниками“, „врагами“ народа, „безумцами“ и т. д.

Въ „Голосѣ изъ обители прек. Сергія“ авторъ—епископъ пишетъ:

Берегитесь, возлюбленные, такихъ измѣнниковъ Царскому Самодержавію, гоните ихъ прочь отъ себя, не слушайте ихъ сладкихъ рѣчей о свободѣ: они проповѣдуютъ не свободу для добра,—а просторъ для зла, для лжи, для насилія совѣсти христіанской... Вотъ какой свободы хочется нашимъ смутьянамъ! свободы разбойничать! не слушайте ихъ мечтаній о выборѣ какихъ-то „народныхъ“ представителей... Государь лучше ихъ самъ выберетъ себѣ вѣрныхъ слугъ... А у нашихъ смутьяновъ—одинъ обманъ. Ихъ господство будетъ для простаго народа хуже крѣпостнаго права (стр. 15—16)...

Ахъ, если бы они (рабочіе) знали раньше... они сжурили бы дать такой отпоръ своимъ соблазнителямъ, что тѣ забыли бы и дорожку на Святую Русь! (стр. 12).

Авторъ слышалъ отъ „свѣдущихъ“ лицъ, что лѣтъ пять—шесть тому назадъ во Франціи на собраніи масоновъ рѣшено было загубить Россію внутренними смутами, отнявъ у нея Православіе и Самодержавіе. По заявленію автора, съ такими словами къ вѣрнымъ сынамъ обращается святая обитель именемъ Божиимъ, именемъ церкви православной, именемъ пр. Сергія.

Глубокою скорбію наполняютъ сердца людей, привыкшихъ съ уваженіемъ относиться къ пастырскому слову, всѣ эти обличенія. Если понимать ихъ „огульно“, то они полны неправды, незаслуженной обиды, оскорбленія лучшихъ порывовъ, безкорыстныхъ желаній. Люди хотятъ правды, ихъ обвиняютъ въ своеволіи и лжи; люди хотятъ ненарушимой, для всѣхъ одинаково обязательной законности, ихъ обвиняютъ въ желаніи ниспровергнуть всякіе законы. Но и этого мало. Надъ всѣмъ этимъ ставятъ страшное слово „крамола“, этотъ поистинѣ знакъ каиновъ. Это уже слишкомъ не по-пастырски. Если они ошибаются, разъясните имъ ихъ заблужденія, но не обвиняйте въ томъ, въ чемъ они невинны; не душийте ихъ мыслей и чувствъ. Предоставьте это полиціи и полицейскимъ органамъ, „сыщикамъ пера и доносчикамъ печати“, прикрывающимъ слабость своей мысли призывомъ къ воздѣйствію власти. Бла-

городная, честная мысль никогда этого себѣ не позволитъ: ея сила въ ней самой. Она способна разрушить ложь и всѣ преграды безъ всякой помощи внѣшней силы. Даже само оружіе притупляется въ борьбѣ съ нею... Обвиняютъ интеллигенцію въ крамолѣ. Но это неправда. Крамола—насильственный переворотъ существующаго порядка путемъ тайныхъ и безнравственныхъ дѣйствій, убійствъ, обмановъ и т. д. Но открытыя заявленія, просьбы, ходатайства земскихъ и городскихъ собраній, разныхъ интеллигентныхъ кружковъ, хотя и стоятъ внѣ закона (пока за обществомъ не признается гражданскихъ правъ, до тѣхъ поръ легальныхъ средствъ къ заявленіямъ не можетъ и быть), тѣмъ не менѣе предосудительнаго въ себѣ не заключаютъ. Въ Высочайшемъ рескриптѣ 18 февр. Государь выражаетъ сердечную благодарность дворянскимъ и земскимъ собраніямъ, купеческимъ, городскимъ и крестьянскимъ обществамъ за вѣрно-подданническія чувства и готовность по зову Государя придти содѣйствовать успѣшному осуществленію возвѣщенныхъ имъ преобразованій. Эта готовность всецѣло отвѣчаетъ душевному желанію Государя. Въ какомъ положеніи оказываются наши пастыри, обвиняющіе въ нравственномъ искалѣченіи, безуміи и крамолѣ за то, за что Государь выражаетъ свою Высочайшую благодарность? Эта фальшивость положенія нашего духовенства происходитъ оттого, что у него нѣтъ твердыхъ принциповъ для оцѣнки совершающагося.

Но говорятъ, что и крамольники желаютъ того же, чего наши прогрессисты. А развѣ одни отвѣчаютъ за другихъ? Развѣ истина становится хуже, что ее признаютъ и люди дурные, или ложь дѣлается краше, если ее говорятъ люди почтенные? У социализма много точекъ соприкосновенія съ христіанскою моралью, но развѣ это говоритъ противъ нея? Говорятъ, наконецъ, что общество выражаетъ свои желанія не всегда въ спокойной формѣ, ненарушающей плавное теченіе общественной жизни. Конечно объ этомъ жалѣть можно. Но развѣ пастыри душъ не видятъ, какое настроеніе переживаетъ въ настоящее время наше общество благодаря войнѣ и нѣкоторымъ явленіямъ внутренней жизни Россіи? Развѣ не видятъ они, какъ много страдаютъ всѣ, въ комъ есть хоть на что-нибудь годное сердце? Страдаютъ отъ личнаго горя, страдаютъ за сотни тысячъ несчастныхъ, отнынѣ имѣю-

щихъ родныя могилы въ далекой чужбинѣ, страдаютъ и оттого, что ихъ мысль, чего бы то ни стоило, хочетъ знать причины всѣхъ страданій, и не только знать, но вслухъ плакать, молить, бѣжать на помощь, хотя бы пришлось броситься въ пылью. Эти люди—ихъ теперь очень много—чувствуютъ себя въ положеніи человѣка, привязаннаго къ стѣнѣ, на глазахъ котораго совершается преступленіе. Онъ долженъ и въ силахъ помочь, но не можетъ. Физическія и психическія силы общества въ страшномъ, почти болѣзненномъ напряженіи. Можно ли требовать, чтобы люди оставались теперь покойны, выдержанны, не выходили изъ коленъ? Мыслимо ли это? Не слѣдуетъ ли стараться успокоить ихъ словомъ любви, утѣшенія, надежды, а не прещеніями, бранью и угрозами? Не должны ли всѣ, въ комъ сохранился хотя остатокъ самообладанія, прислушаться къ слезамъ и вздохамъ, понять чужое горе, отозваться на его лучшія чувства, постараться влить въ нихъ энергію, заставить ихъ сквозь слезы улыбнуться въ ожиданіи будущаго. Кто долженъ сдѣлать это? *Утѣшайте, утѣшайте народъ Мой*, сказано было священникамъ. Но холодно, жестоко слово ихъ. Нѣтъ въ немъ ни утѣшенія, ни ласки. Не берутъ они на перси свои больныхъ агнцевъ. И все это оттого, что они не хотятъ понять душу человѣка.

Но это еще не есть самое худшее. Всего печальнѣе то, что обвиненія по адресу интеллигенціи въ крамолѣ, вопреки не только прямымъ обязанностямъ пастыря, но и желаніямъ Государя, призывающаго всѣхъ къ „спокойному и бодрому состоянію духа“, должны не столько успокоить, сколько вызвать раздраженіе въ народѣ противъ интеллигенціи, могущее выразиться въ крайне нежелательныхъ формахъ. Въ газетахъ нерѣдко стали появляться жалобы подобнаго рода. Сообщалось напр., что въ сл. Елани Аткарскаго уѣзда пьяная толпа крестьянъ, подъ впечатлѣніемъ проповѣди мѣстнаго священника о крамолѣ, напала на школу, гдѣ производились занятія на повторительныхъ курсахъ отъ губернскаго земства. Когда учитель спасся бѣгствомъ, толпа стала угрожать земскому врачу. Медицинская коммиссія рѣшила довести до свѣдѣнія губернатора, что возбуждающіе населеніе элементы своими проповѣдями такъ взволновали населеніе, что нѣтъ гарантіи за неприкосновенность студен-

товъ-медиковъ (Русск. Вѣд. 1 марта). Начальникъ Саратовской губерніи получилъ заявленіи отъ преосв. Гермогена, что всѣ усилія духовныхъ лицъ прилагаются и будутъ прилагаться къ проповѣди мира и любви, съ поясненіями народу грѣховности мѣръ насильственныхъ и разрушительныхъ (Русск. Вѣд. 7 м.). По словамъ „Недѣли“, одинъ священникъ въ Борисоглѣбскѣ убѣждалъ прихожанъ предавать начальству подстрекателей и лжеучителей, обѣщая отпущеніе грѣховъ отъ Св. Синода (?) и угрожая недопущеніемъ до креста (Слово 5 марта). Въ засѣданіи думской комиссіи для принятія мѣръ на случай возникновенія броженій и какихъ-либо беспорядковъ доложено было о вредѣ происходящихъ въ епархіальномъ домѣ чтеній, сѣющихъ рознь между интеллигенціей и простымъ классомъ московскаго населенія, комиссія рѣшила чрезъ посредство городского головы войти по этому поводу съ ходатайствомъ въ подлежащія сферы (Русск. Листокъ 22 февр.). „Слово“ выражаетъ желаніе, чтобы Св. Синодъ, ознакомивъ населеніе съ Высочайшимъ рескриптомъ, не дошедшимъ до деревни, далъ указанія духовенству, къ чему надо призывать народъ (за 15 февраля и 3 марта).

Но довольно! Пора намъ съ читателемъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Порадуемся на тѣхъ немногихъ, которые своею смѣлой и чуткой душой почувствовали въ великой бурѣ общественнаго движенія тихое вѣяніе правды, свѣтлый и грѣбущій лучъ истины. Какъ яркія звѣзды въ темную ночь, освѣщаютъ они намъ нависшій надъ нами мракъ, и тѣмъ они кажутся ярче, чѣмъ ихъ меньше. Они сумѣли отдѣлать уродливое и больное отъ истиннаго и здороваго и съ смѣлою любовью привѣтствуютъ купленные цѣною большихъ страданій и многихъ ошибокъ надежды на духовное освобожденіе людей.

Какъ отъ прибоя морской волны, идетъ неугомонный шумъ взбудораженной мысли во всѣхъ концахъ нашей земли, и брызги ея обдають и церковныя стѣны. Не дѣло церкви—политическія устроенія, но ея голосъ долженъ звучать особенно въ тревожное время, настраивая и озаря внутренне мотивы, направляющіе дѣйствіями... Плачевна и опасна та система, когда чередуются только усмотрѣніе, одобреніе, послушаніе и молчаніе; они создаютъ иллюзіи и ослѣпленіе. Власти нужно друзей побольше: изъ такихъ, кто имѣлъ бы твердость

духа, любя ея, не всегда правится ей... И если бы этому нравственному мужеству, облеченному въ одежды вдохновенной смѣлости и предстательства, былъ доступъ въ каменные палаты, мы навѣрное не слышали бы ни беспорядочныхъ криковъ на улицахъ, ни революціонныхъ протестовъ на перекресткахъ. Страну, разочарованную въ своей безопасности и пораженную въ своей довѣрчивости, охватила боязнь за само-сохранность и повергло въ тревогу смущенія: истина вещей не опаздываетъ ли при своемъ движеніи кверху? Души многихъ стали на границѣ отчаянія. Пусть же снопами падаютъ внизъ мягкіе лучи вѣдѣнія на темное тѣло жизни, возводя и подымая къ себѣ изъ вѣдръ ея вопли разносторонней правды (Преосв. Антонинъ въ Словѣ за 13 февр).

Отъ мягкихъ лучей вѣдѣнія сверху и отъ воплей разносторонней правды снизу Преосв. Антонинъ ожидаетъ духовнаго обновленія народнои жизни, освобожденія ея отъ тѣхъ цѣпей, которыя съ 60 годовъ оставались еще неснятыми. Нѣкоторые священники въ своихъ письмахъ, напечатанныхъ въ газетахъ (напр., въ Словѣ за 3 и 7 марта), съ непривычною для нихъ смѣлостью говорятъ о наивности оправданія существующихъ порядковъ ссылкой на Св. Писаніе, о бесплодности призыва къ одному лишь покаянію, о необходимости уничтоженія бюрократизма, чтобы царь зналъ о нуждахъ своихъ подданныхъ не изъ чиновничьихъ „докладовъ“.

Велика заслуга этихъ лицъ предъ обществомъ, велика не тѣмъ, что они помогаютъ общей работѣ мысли и росту общественнаго самосознанія (для этого въ Россіи достаточно силъ), а тѣмъ, что они поддерживаютъ *нравственную связь* общества съ церковью, съ христіанствомъ.

Не видя признанія своихъ идеаловъ со стороны духовенства, слыша, напротивъ, обвиненія въ беззаконіи, своеволіи и крамолѣ, интеллигенція должна предположить одно изъ двухъ: или духовенство не усвоило еще во всей полнотѣ христіанскихъ началъ гуманности и правды, или, признавая ихъ въ душѣ, изъ житейскихъ соображеній боится объявить это во всеуслышаніе. Въ томъ и другомъ случаѣ оно одинаково кажется ей въ нравственномъ отношеніи стоящимъ ниже ея. По понятнымъ психологическимъ законамъ чувства къ представителямъ церкви могутъ быть переносимы отчасти на ихъ идеалы и на самую церковь. Напротивъ, смѣ-

для заявленія пастырей о законныхъ стремленіяхъ общества, насколько они вытекаютъ изъ нравственныхъ мотивовъ, заявленія, не обѣщающія пастырямъ никакихъ даровъ міра сего, должны до глубины души тронуть истинныхъ поборниковъ правды и свободы; и они съ любовью скажутъ: „миръ вамъ, преосвященнѣйшій владыко! Сердца наши раскрыты“¹⁾.

По поводу записки „о необходимости переменъ въ русскомъ церковномъ управленіи“. Съ большою радостью привѣтствуемъ мы записку группы петербургскихъ священниковъ о необходимости реформъ въ церковномъ управленіи, именно о необходимости возстановить свободу и независимость церкви отъ мірскихъ началъ и цѣлей, отъ условій и требованій государственной власти, и ввести церковное самоуправленіе на началахъ соборности и на основаніи каноновъ церковныхъ чрезъ нарочито для сего созванный помѣстный соборъ русской церкви. Это всегда было желаніемъ истинныхъ членовъ православной церкви и истинныхъ пастырей. Въ послѣднее же время нужда въ подобныхъ церковныхъ преобразованіяхъ стала чувствоваться съ особенною силою какъ въ обществѣ, такъ и среди духовенства. Записка петербургскихъ священниковъ служитъ лишь отголоскомъ весьма широко распространенныхъ и очень настойчивыхъ желаній. Тѣмъ не менѣе честь и благодарность первымъ инициаторамъ!

Мы хотѣли бы съ своей стороны высказать по этому поводу и нѣкоторыя свои пожеланія. За недостаткомъ времени (записка была получена нами наканунѣ отсылки нашей статьи въ редакцію) мы можемъ сдѣлать это лишь бѣгло.

1. Ни въ какомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, не слѣдуетъ спѣшить съ созывомъ церковнаго собора. Если не трудно установить общіе принципы церковнаго самоуправления, то въ детальномъ проведеніи ихъ встрѣтятся громадныя трудности вслѣдствіе мѣстныхъ и исторически сложившихся особенностей русской церковной жизни. Поэтому необходима предварительная всесторонняя, детальная разработка предполагаемыхъ реформъ, какъ среди самого духовенства, такъ и среди ученыхъ корпорацій. Съ этою цѣлью было бы полезно предложить епархіальнымъ съѣздамъ текущаго года выска-

¹⁾ „Слово“ за 14 февр.

затъ свои соображенія, предоставивъ мѣсто для подобныхъ соображеній и въ епархіальныхъ органахъ. Было бы весьма желательно привлечь къ обсужденію реформъ и профессоровъ духовныхъ академій, которые, конечно, охотно предложатъ свои услуги. Въ нашемъ академическомъ журналѣ еще ранѣе предположено было заняться разработкой историческаго матеріала изъ древней и новой церковной исторіи по этому вопросу. Лишь по окончаніи этой предварительной работы съ увѣренностью на успѣхъ можно приступить къ созыву собора, долженствующаго имѣть чрезвычайныя послѣдствія для будущей церковной жизни Россіи. Надо помнить, что церковный соборъ не есть обыкновенное свѣтское совѣщаніе, неудачи котораго можно легко и быстро исправить. Ошибки собора могутъ быть роковыми...

2. Реформу церковнаго управленія на началахъ соборности необходимо провести во всей силѣ и широтѣ, а отнюдь не въ частяхъ. „Всякая система, писалъ Катковъ, можетъ развиться и принести пользу только тогда, когда взяты ихъ начала во всей ихъ истинѣ и полнотѣ. Если вы хотите получить благотворное дѣйствіе отъ тѣхъ началъ, въ благотворности которыхъ не сомнѣваетесь, то дайте имъ возможно большій просторъ, допустите ихъ дѣйствовать съ наибольшею силою, не ослабляйте, не разрывайте, не разрушайте связи, безъ которой они теряютъ всякій смыслъ“ ¹⁾. Хотя отъ записки вслѣдствіе ея краткости нельзя требовать полной ясности въ изложеніи основныхъ пунктовъ реформы, однако невольно бросается въ глаза то, что насколько ясно подчеркнута въ ней соборность управленія, настолько неявно указано начало избирательное. Не сказано напр., какимъ образомъ должны быть избираемы митрополитъ и патріархъ. Нѣтъ сомнѣнія, что о церковномъ самоуправленіи и свободѣ церкви отъ стороннихъ вліяній можно говорить лишь въ томъ случаѣ, если патріархъ, какъ и митрополитъ, будетъ избираемъ соборомъ, а не свѣтскою властью. Институтъ патріаршества самъ по себѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ гарантировать церкви ея независимости. Доказательство тому можно находить въ древней русской церкви и даже въ напечатанныхъ выше статьяхъ Н. Ѳ. Каптерева. Со-

¹⁾ Джаншievъ, Эпоха великихъ реформъ, стр. XXVI.

борность управленія церковью, которую особенно подчеркиваетъ записка, не спасаетъ еще отъ возможности давленія со стороны патріарха, избраннаго не соборомъ.

Ничего не сказано въ запискѣ и объ избраніи священниковъ при участіи мірянъ. Возможно, что это не случайность, такъ какъ на бывшихъ въ послѣдніе годы пастырскихъ сѣздахъ и въ печати духовенство высказывалось за неудобство примѣненія у насъ выборнаго начала. И вообще участіе приходскаго элемента въ церковной жизни выступаетъ слабо въ запискѣ священниковъ. Сказано напр. объ управленіи епископомъ совмѣстно съ сонмомъ пресвитеровъ *предъ лицомъ народа*. Слишкомъ туманная и мало говорящая фраза. Прихожане должны принимать участіе какъ въ избраніи священниковъ и епископовъ, такъ и въ управленіи не только жизнью приходской, но и епархіальной, участвуя на епархіальныхъ сѣздахъ, въ преобразованныхъ консисторіяхъ и т. п.

Мы боимся, что это слишкомъ блѣдное указаніе участія мірянъ въ церковной жизни было неслучайно въ устахъ священниковъ. Боимся вотъ почему. Наше духовенство всегда имѣло склонность замыкаться въ себя, составлять изъ себя нѣчто самодовлѣющее и въ то же время чуть не отождествлять себя съ церковью. Это можно почувствовать даже при внимательномъ чтеніи самой записки. Авторы, говоря о церкви, большею частью разумѣютъ въ ней духовенство. Это большое недоразумѣніе, имѣвшее всегда вредныя послѣдствія. Здѣсь прежде всего и нарушается то понятіе соборности, какое полагаетъ въ основу церковнаго переустройства записка. Соборность обязательно предполагаетъ самое живое и дѣятельное участіе въ церковной жизни всѣхъ членовъ церкви, какъ членовъ тѣла Христова. Церковная іерархія должна не только питать, но и сама питаться духовною жизнью мірянъ. Теперь она воспринимаетъ это вліяніе въ неканонической и противной евангельскому духу формѣ сверху, въ видѣ вліянія опредѣленныхъ лицъ и даже лица. Уничтоживъ это вліяніе, іерархія должна поставить себя въ самую тѣсную, живую связь съ обществомъ прихожанъ. Въ противномъ случаѣ она неминуемо превратится въ тотъ же административный механизмъ съ бюрократическимъ строемъ. Въ противномъ случаѣ освобожденіе церкви отъ давленія свѣтской власти будетъ собственно освобожденіемъ не церкви,

а духовенства, независимостью и самоуправленіемъ не церкви, а іерархіи. На самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что священники будутъ избираться епископами. Значеніе священниковъ въ епархіальномъ управленіи благодаря исключительной ихъ зависимости отъ епископа будетъ незначительнымъ, и самое соборное управленіе будетъ номинальнымъ. Епископъ будетъ царькомъ въ своей епархіи. Сонмъ епископовъ будетъ чувствовать себя независимымъ какъ снизу, такъ и сверху. вмѣстѣ съ этимъ воцарится прежняя бюрократія.

Итакъ соборное начало можетъ быть дѣйствительно плодотворно и жизненно лишь въ соединеніи съ выборнымъ началомъ. Да и выборное начало есть въ сущности выраженіе той же соборности, понимаемой въ истинномъ смыслѣ. Безъ выборнаго начала ни въ какомъ случаѣ не удастся устранить тотъ существенный недостатокъ въ нашей церковной жизни, который послужилъ для составителей записки исходнымъ пунктомъ, именно отсутствіе связи между „церковью“ (какъ выражается записка, слѣдуетъ сказать: духовенствомъ) и обществомъ. Только тогда не будетъ разобщенности между духовенствомъ и народомъ, когда оно будетъ выходить изъ народа.

3. Проводя принципъ соборности и избирательное начало до конца, духовенство должно приготовиться къ нѣкоторой жертвѣ. Церковныя суммы, включая сюда доходы свѣчнаго завода, должны служить цѣлямъ церкви, а не духовенства. Пока государство не приняло на свое содержаніе духовно-учебныхъ заведеній, послѣднія, какъ назначенныя для образованія будущихъ пастырей, а не для дѣтей духовенства, должны содержаться на церковныя суммы. Но учрежденія, имѣющія въ виду исключительно интересы духовенства, напр. эмерительныя кассы и пр., не должны пользоваться изъ этого источника. Желательно, чтобы къ несенію расходовъ на обще-церковныя нужды были привлечены наши монастыри и лавры.

4. Начала выборнаго и соборнаго управленія должны, какъ мы сказали, отразиться на всѣхъ сторонахъ церковной жизни. Они должны быть непременно проведены въ учебно-воспитательное дѣло въ нашихъ духовныхъ школахъ въ формѣ, даже болѣе послѣдовательной, чѣмъ это было въ уставахъ 1867—9 гг. Современные же уставы духовно-учебныхъ заведеній, проникнутые бюрократическимъ и админи-

стративнымъ характеромъ, не могутъ воспитывать пастырей въ духѣ евангелія и истинно пастырскаго призванія.

5. Такъ какъ сущность соборнаго начала сводится къ тому, что извѣстнымъ учрежденіемъ править не лицо, какъ бы оно ни выдавалось своими дарованіями и нравственными свойствами, а цѣлое, такъ сказать, тѣло учрежденія, то это начало само собой предполагаетъ возможность и необходимость искренняго, откровеннаго выраженія своихъ мнѣній и нуждъ для каждаго члена учрежденія. Поэтому необходимо предоставить извѣстную свободу мнѣнія по церковнымъ вопросамъ, какъ на всѣхъ собраніяхъ церковныхъ, такъ и въ печати. Мнѣніе должно быть выражаемо прямо, безбоязненно, безъ опасенія вызвать неблаговоленіе начальства. Это требуетъ нѣкотораго подвига самоотверженія со стороны іерархіи. Представители ея не должны претендовать на непогрѣшимость, должны быть готовы выслушать слово, можетъ быть, идущее въ разрѣзъ съ ихъ мнѣніями, заботясь всегда о спасеніи истины, а не своего престижа. Безъ этого условія соборное начало будетъ фиктивнымъ. Да и вообще, стремясь къ усилению церковной власти, ослабляемой до сихъ поръ воздѣйствіемъ власти свѣтской, не должно забывать, въ чемъ сущность церковной власти. *Вы же не тако: но болій въ васъ, да будетъ яко мній: и старый, яко служай* (Лук. 22, 25—26). Господь не далъ апостоламъ преимуществъ свѣтской власти. Сущность церковной власти въ служеніи не только Господу, но во имя Его и людямъ, въ служеніи, вытекающемъ изъ милосердія. *Милосердова о нихъ, яко бяху смятени и отвержени* (Матѣ. 9, 36—37) ¹⁾. При забвеніи этой заповѣди Христа, въ церковной жизни всегда не перестанетъ существовать свѣтская, а не духовная власть, если даже и будетъ устранено вліяніе на нее государства.

Углубляясь въ сущность предстоящихъ церковныхъ реформъ, чувствуешь ясно, что ихъ надо начать съ подвига самоотреченія.

21 марта.

Объ учрежденіи патриаршества и избраніи патріарха въ Россіи. Въ послѣдніе дни въ газетахъ появились сообщенія о цер-

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. у Н. А. Заозерскаго въ его кн. о „Духовной власти. Стр. 3—6.

ковныхъ событіяхъ, сообщенія, часто странныя и неправдоподобныя (впрочемъ въ настоящее время русскій человѣкъ, кажется, потерялъ критерій для отличія правдоподобнаго отъ неправдоподобнаго). Въ „Русскомъ Словѣ“ (22 м.) и „Русскомъ Листкѣ“ (23 м.) передается о томъ, будто св. синодъ постановилъ ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ не только о созывѣ всероссійскаго церковнаго собора, но и объ учрежденіи патріаршества, будто самое избраніе патріарха синодъ принципиально рѣшилъ (?) въ текущую сессію своихъ засѣданій. Въ „Словѣ“ (21 м.) сообщается слухъ, будто дѣло реформы церковной будетъ всецѣло передано или въ руки синода, или особаго „совѣщанія“ изъ представителей церковной іерархіи съ участіемъ свѣдущихъ лицъ изъ бѣлаго духовенства и мірянъ. Всѣ эти слухи мало правдоподобны. Здравая логика подсказываетъ, что возстановленіе каноническаго управленія русской церкви можетъ быть совершено лишь каноническимъ путемъ. Каноническій же путь церковнаго переустройства лишь одинъ, и онъ слишкомъ ясенъ и слишкомъ хорошо извѣстенъ. Этотъ путь есть общероссійскій соборъ, на которомъ обязаны присутствовать, не дожидаясь особаго личнаго приглашенія, всѣ епископы русской церкви. По каноническимъ правиламъ, епископы, безъ уважительныхъ причинъ (тяжкая болѣзнь и под.) не явившіеся на соборъ, подлежатъ „слову прещенія“ (IV Всел. соб. прав. 19), митрополитъ, не исполнившій этого правила, подвергается епитиміи, и „аще обряцется нѣкій начальникъ избраняющій сіе, да будетъ онъ отлученъ“ (VII Всел. с. пр. 6). Избраніе патріарха можетъ состояться лишь на такомъ именно соборѣ. Фактъ избранія епископа въ первенствующаго члена синода ни въ какомъ случаѣ не только не замѣняетъ, но и не предрѣшаетъ свободнаго избранія патріарха, такъ какъ принципы того и другого избранія различны до противоположности. Возстановленіе патріаршества, какъ одной изъ формъ каноническаго управленія церкви, есть вопросъ едва ли не болѣе важный, чѣмъ самое избраніе патріарха. Поэтому оно, будучи дѣломъ, касающимся *всей* церкви русской, должно быть рѣшеніемъ *всѣхъ* епископовъ русскихъ, а не случайнаго и незначительнаго собранія ихъ. И вообще дѣло церковной реформы, согласно съ канонами православной церкви, ни въ какомъ случаѣ не можетъ

быть дѣломъ ни синода, ни „особаго совѣщанія“. Это значило бы начать возстановленіе соборнаго управленія въ церкви съ фактическаго отрицанія соборности и съ нарушенія православныхъ канонѡвъ, это значило бы, что идея соборности сохранилась лишь на страницахъ кормчей, а не въ сознаніи іерарховъ. Такой путь церковнаго переустройства привелъ бы въ смущеніе преданныхъ сыновъ православной церкви, далъ бы новый и сильный поводъ противникамъ православія къ новымъ обвиненіямъ православной церкви въ нарушеніи канонѡвъ и вообще могъ бы имѣть послѣдствія, которыя невозможно даже и предвидѣть. Эти соображенія должны охладить пылъ тѣхъ, кто пожелалъ бы скорого проведенія реформъ „домашнимъ образомъ“. Да и вообще для чего и для кого спѣшить въ такомъ крайне важномъ и сложномъ шагѣ? Исходнымъ началомъ церковной реформы должно быть созваніе собора, какъ правильно было указано въ запискѣ петербургскихъ священниковъ. Вотъ почему мы считаемъ вышеприведенныя сообщенія неправдоподобными.

Два слова о соборѣ. Въ древней церкви на соборахъ присутствовали и міряне (ср. Дѣян. Ап. XV, -22: *изволися апостоломъ и старцемъ со всею церковію*) ¹⁾, съ правомъ не рѣшающаго, а совѣщательнаго голоса ²⁾. У насъ же въ Россіи есть особенно вѣсскія побужденія сохранить это право мірянъ. Не говоря о томъ, что это было бы хорошимъ средствомъ для возстановленія почти утраченной живой связи общества съ іерархіею, церковная жизнь въ настоящее время такъ осложнилась, что епископы никакимъ образомъ не могутъ считать себя компетентными въ рѣшеніи нѣкоторыхъ церковныхъ вопросовъ безъ помощи мірянъ. Возьмите, на примѣръ, вопросъ объ исправленіи давно уже въ этомъ нуждающейся славянской библіи. Рѣшить этотъ вопросъ безъ помощи ученыхъ специалистовъ епископы ни въ какомъ случаѣ не могутъ. Такихъ вопросовъ можетъ оказаться не мало.

23 марта.

В. Мышцынъ.

¹⁾ См. у Н. А. Заозерскаго въ его брошюрѣ: О средствахъ усиленія власти нашего высшаго церковнаго управленія. 1903.

²⁾ Но участіе мірянъ при выборѣ епископа, митрополита и патриарха имѣло бѣльшее значеніе.